

56

Я закурил сигарету и стал молиться, чтобы наступил конец света.

Яростная молитва за всех, кто знал меня, и за всех, кого я знал, чтобы они просто исчезли.

Тогда я смогу сделать все заново с самого начала.

В то время я жил совершенно без всяких связей с кем бы то ни было. Я был сыт по горло неопределенностью других людей.

Я знал, как трудно жить в полном и абсолютном одиночестве. Но жить чем-то невероятно близким в этом мире было не так уж и сложно.

Есть много людей, которые умирают неизвестными и сами никого не зная.

Вернувшись домой, я курил как паровоз.

Моя сестра кипела от злости среди этого дыма. Она снова и снова просила меня остановиться. Я просто не обращал на нее внимания.

Я хотел, чтобы моя квартира и моя голова были заполнены дымом. "Я ничего не хочу видеть", - подумал я.

Мое полное игнорирование жалоб моей сестры было беспрецедентным, поэтому она была сбита с толку. Хотя она была типичной хвастуньей, а в глубине души была трусихой.

Когда она увидела, что я веду себя не так, как обычно, она просто удалилась и больше ничего не говорила.

Когда я докурил свою двенадцатую сигарету, сестра нерешительно спросила: "старший брат, ты всегда говорил, что ненавидишь курить. А почему ты начал?"

Сделав затяжку из своего тринадцатого стакана, я ответил: "Может быть, потому, что я потерял всех, кто мне дорог."

По моим ненадежным воспоминаниям, в моей первой жизни я курил непрерывно до определенного момента.

Но потом я перестал. Потому что моя девушка волновалась за меня.

Она не собиралась винить меня, но сказала что-то вроде "Я не хочу, чтобы ты делал свою жизнь короче", и это меня успокоило.

В конце концов, мне казалось нелепым добровольно бриться в то время, которое я мог провести с ней.

И все же теперь, в моей второй жизни, у меня не осталось никого, кто бы беспокоился обо мне. Ни одного человека, который заботился бы о том, чтобы моя жизнь не стала короче.

На самом деле, возможно, я курил даже больше, чем это было необходимо именно по этой причине.

Моя сестра, казалось, не поняла моего заявления. Потому что я говорил так, будто до

недавнего времени у меня был кто-то, кто замечал меня и заботился обо мне.

Но, в общем, она не стала настаивать дальше. Похоже, она поняла, что я, скорее всего, все равно не отвечу.

Вместо этого она медленно приблизилась и нежно протянула руку к моему рту.

"...Ну, а мне не все равно. Пожалуйста, остановись."

Затем она взяла сигарету в свои пальцы и вытащила ее.

Я бросил на нее быстрый взгляд. Она посмотрела на меня своими обычными трезвыми глазами, но, казалось, моргнула еще сильнее.

Я закурил новую сигарету и выпустил полную пасть дыма.

Моя сестра начала хрипеть и кашлять.

Я достал из кармана листок бумаги и внимательно посмотрел на него. Таков был распорядок дня Токивы.

Я положил ее на пепельницу и поднес к ней зажигалку, но не смог заставить себя сжечь ее.

Потому что, хотя это было не так уж много, в нем действительно упоминались вещи о Цугуми. К сожалению, даже если это был просто клочок бумаги, я полагал, что все, что связано с ней, должно быть бережно сохранено.

Я положил сигарету в пепельницу и взял со стола книгу, чтобы почитать. Но это не осталось у меня в голове.

Неужели я действительно думал, что смогу убить Токиву?

И если бы мне это каким-то чудом удалось, неужели я искренне верил, что Цугуми полюбит меня вместо него?

Должно быть, я действительно сошел с ума, если так подумал.

Возможно, в качестве защитного механизма, чтобы справиться с шоком, я вскоре обнаружил, что крепко сплю.

Словно надеясь вызвать некроз в клетках моего мозга, я проспал четырнадцать часов.

Когда я проснулся на следующее утро, моей сестры уже не было.

На следующий день и еще через день она не показывала никаких признаков возвращения.

57

В конце концов я отказался от своих планов убить Токиву.

Но, как ни досадно, я узнал, что желания всегда исполняются именно тогда, когда ты перестаешь желать.

В мгновение ока прошла неделя, и наступил конец декабря.

После того, как моя сестра исчезла, я подавал заявки на каждую поденную работу, которую видел. У меня было достаточно писем о них, чтобы заполнить весь мой график на декабрь, если бы я захотел.

Не то чтобы я был заинтересован в том, чтобы зарабатывать на них деньги. Я просто хотел опустошить свою голову.

Я хотел забыть многое из того, что произошло. И поскольку у меня больше не было причин следить за Токивой, у меня было много свободного времени.

Меня попросили сделать много однодневных заданий, таких как работа официантом в переполненном отеле, помощь в глупых праздничных мероприятиях и контроль за движением - я позволил им поглотить мои дни.

Я всегда ненавидел работать с незнакомыми людьми, и, как это обычно бывает на таких работах, меня неразумно ругали энергичные штатные сотрудники.

В этом не было ничего забавного, и это даже не помогло мне поднять настроение, но все же это было лучше, чем ничего не делать.

Возвращаясь домой поздно вечером, я пил дешевое виски со льдом, просматривал книги, оставленные сестрой, а когда меня клонило ко сну, забирался в постель и слушал музыку.

Прекращение мыслей становится легким, как только вы привыкнете к ним.

В мгновение ока воспоминания о моей первой жизни стали туманными.

Однажды, возвращаясь домой после работы по снегу, я посмотрел на свой телефон, чтобы подтвердить свои планы на завтра, и заметил сообщение на автоответчике.

Думая, что это пришло из моего колледжа, я удалил уведомление, даже не проверив. Без сомнения, это было что-то вроде: "решайся, ты бросаешь учебу или нет?"

Но дело было в том, что это было сообщение автоответчика. Это означало, что он звонил из телефона-автомата.

Это еще одно свидетельство моего идиотизма, но сначала я подумал, что это от Токивы, а потом сразу же обнадежился, подумав: "Подожди, подожди, может быть, Цугуми звонила?"

Даже сейчас у меня была необоснованная надежда, что Цугуми придет и спасет меня, когда я окажусь в беде. Я сомневаюсь, что кто-нибудь мог бы спасти меня от моей глупости.

Конечно, Цугуми никак не могла узнать мой номер или что-то еще в этом роде.

Сообщение было от моей сестры. Ее голос был едва слышен.

- Старший брат, я хочу, чтобы ты вернулся домой. ...ЭМ, сейчас между папой и мамой очень плохие отношения. Было бы неплохо, если бы они развелись, но Я не знаю, чем все это закончится. ...Я имею в виду, я действительно не знаю, будет ли твое возвращение домой что-то менять. Но я не знаю, что еще можно сделать."

После нескольких секунд молчания она закончила шепотом:

- старший брат... Мне действительно не нравится это делать."

И я тоже не знал.

58

Мне не хотелось идти прямо домой, поэтому я не стал сворачивать в те углы, куда должен был, и не стал сворачивать в те, куда не должен был.

Я вспотел от работы, и мое тело было зябким и неустойчивым. Это был поистине ужасный холод.

Даже не осознавая этого, я напевал песню радио хита " Среер."

К несчастью, я слишком хорошо знал чувства этой песни в своей второй жизни. Потому что я не был тем замечательным человеком, который мог бы сравниться с Цугуми.

Идя по торговому району к железнодорожной станции, я увидел около десяти детей в форме начальной школы, которые играли представление с колокольчиками.

Я поймал себя на том, что останавливаюсь и прислушиваюсь. Приглядевшись, я увидел, что дети играют и на других инструментах, таких как аккордеоны и колокольчики на санях.

Это была прекрасная музыка. Очевидный учитель, проводивший их, выглядел так, словно у него был взрыв.

Миновав Торговый квартал, я добрался до жилого квартала.

Там я обнаружил семьи, стоявшие у своих домов и развешивали по ним абсурдное количество декораций и огней.

Дети резвились, а родители старательно развешивали украшения на стенах, деревьях и заборах. Я наблюдал за ними издалека.

Увидев это не так уж далеко, я был поражен. Почему они так сильно отличаются от меня? Мне казалось, что мы даже не принадлежим к одному виду.

Через некоторое время дети сказали: "Раз, два, три! Затем все вместе зажглись разноцветные огни, и дом сразу же превратился в нечто похожее на парк развлечений.

Это была великолепная вещь, и она, безусловно, отражала образы Санта-Клауса и северного оленя.

Я покинул жилой квартал, словно убегая от него. Вокруг было много счастливых домов, и я не смогу стоять и смотреть, как одно и то же повторяется снова и снова.

Бесцельно прогуливаясь, я подошел к маленькому магазинчику, в который часто заходил. Я хотел было пройти мимо него, но передумал и вошел.

Борясь с желанием согреть руки горячим кофе, я схватил бутылку виски и отнес ее к кассе.

За стойкой стоял Хашибами, обычный клерк. Она была высокой женщиной, но определенно не модельного типа, и, похоже, сама не знала, что делать с этим ростом.

По моим прикидкам, она была года на три-четыре старше меня. Волосы у нее были светло-

каштановые, голос низкий, как у пьяницы, и она производила на меня общее впечатление откровенности.

Я обычно заходил в магазин около 11 часов вечера, после чего всегда покупал большую банку низкосолодового пива и коробку красных "Пэлл-Мэлл".

Я не был суетлив. На самом деле, поскольку я не был привередлив, я просто покупал самые дешевые вещи, которые могли удовлетворить меня.

Поскольку я покупал одну и ту же вещь так много раз, она узнала меня в лицо и после этого сразу же принялась готовить коробку Пэлл-Мэлл, как только увидела, что я вошел.

Без сомнения, когда Хашибами увидела меня, она подумала: "А, это парень с дешевым пивом и сигаретами.- Немного неловко.

Поскольку она всегда была готова, я не мог заставить себя внезапно сказать: "пять коробок мира, пожалуйста.- Значит, я уже несколько месяцев курю одну и ту же марку.

Но в тот день, когда я принес виски и шоколадку, а сигарет не было, Хашибами казалась немного смущенной. Она упаковала вещи немного неловко, чем обычно.

"Сегодня нет сигарет, да. Ты что, уволился?- Скромно спросила Хашибами, протягивая мне сумку.

Мне понравилось, как она это сказала, а также ее искренне удивленное выражение лица. Это немного успокоило меня.

Конечно, я был просто счастлив, что кто-то проявляет хоть какой-то интерес ко всему, что я делаю. Даже если это был просто шопинг.

- Нет, я просто хотел сделать тебе сюрприз, - сказал я. Я уже давно ни с кем не шутил.

-Ну что ж, тебе это удалось, - рассмеялась Хашибами. -Значит, это не значит, что ты уволился?"

Она немного подумала, потом сказала: "Ну и ладно", - и подняла с пола маленький виниловый пакетик, чтобы отдать его мне.

-Это какие-то сигареты с истекшим сроком годности. Лично я никогда не знал, что у сигарет есть срок годности. Я имею в виду, что обычно это не беспокоит тех, кто их курит. Мой менеджер вообще-то сказал мне выбросить их все, но это казалось пустой тратой времени, так что я отдам их вам."

Я заглянул в сумку. Это был ассортимент непопулярных марок, всего около двадцати упаковок.

"Разве это нормально?"

-Ну, нет, не совсем. Но я думаю, что это хорошо."

Пока я раздумывал, правильно ли их принимать, Хашибами облокотилась на стойку и похлопала меня по плечу.

-Я же анти-Санта-Клаус. Вместо того чтобы давать хорошим детям игрушки, я даю плохим взрослым пиво и сигареты. Потому что именно они действительно нуждаются в подарках, а не хорошие дети. ..Так что давай, бери их и уходи."

Я горько улыбнулся и спросил: "Ты ненавидишь Рождество?"

-Нет, Я люблю Рождество. Так было всегда, с тех пор как я была ребенком. ...Проблема в том, что я не в том положении, чтобы принимать участие в том, что я считаю Рождеством. Когда дело доходит до Рождества в этой стране, для меня есть несколько высоких препятствий."

Там были и другие клиенты, выстроившиеся в очередь, поэтому я поблагодарил Хашибами и ушел.

Я быстро докурил одну из выданных мне сигарет и стал бродить по ночному зимнему городу.

Я сунул свободную левую руку в карман. Потому что было холодно, да, но это тоже вошло у меня в привычку. Я невольно сунул свободную руку в карман, а если бы и не сунул, то просто не смог бы успокоиться.

Я думал о том, почему, мне было интересно, не потому ли это, что я привык держать чью-то руку, когда я шел в своей первой жизни, но никогда не делал этого во второй.

Как будто моя рука была одинока. Существует теория о том, что люди курят, потому что их рты пропускают сосание материнской груди, так что никогда не знаешь наверняка.

Я обошел вокруг в поисках хорошего места, а потом нашел отличное место в парке.

Это был небольшой парк под мостом, окруженный засохшими деревьями, пустыми банками и бумажными пакетами, разбросанными повсюду, дырами по всему забору. Именно такое место мне и нравилось.

Я сел на скамейку и положил сигарету на перила. Красные угольки рассеялись, несколько из них упали на землю и быстро исчезли.

Я открыл бутылку виски и выпил ее без остатка. Бутылка уже сильно остыла, но от одного глотка у меня потеплело в животе.

Я только хотел, чтобы это была шутка. Я просто хотел гулять пьяным всю ночь и немного окоченеть.

Но... если бы я заснул таким пьяным, то действительно мог бы замерзнуть насмерть, подумал я.

Мое тело быстро впитало алкоголь, и я почувствовал, что мои чувства онемели. К тому же мне очень хотелось спать.

Благодаря Хашибами, я чувствовал себя немного лучше, как будто я действительно мог это сделать.

И если бы я чувствовал себя немного хуже, то не думаю, что стал бы думать о самоубийстве подобным образом.

Самое опасное время - это когда ты чувствуешь себя подавленным и приходишь в себя только наполовину.

Я был взволнован тем, что мне дали такой неожиданный шанс.

Это странно, но когда вы добираетесь до этой стадии, сожаления успокаивают. Если это

достаточно сильная эмоция, то все успокаивает.

Все это начинает казаться чьим-то чужим делом. Когда это становится действительно плохо, вы можете даже радоваться отчаянию.

<http://tl.rulate.ru/book/20260/824083>